

УДК 327

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Б. Х. Бахриев

Бахриев Бахри Хуршедович, аспирант кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, mr.bahriev29@gmail.com

В статье рассматривается потенциал публичной дипломатии в урегулировании конфликтов в Центральной Азии. Отмечается, что в существующем исследовательском дискурсе публичная дипломатия исследуется в основном в контексте практики мирного времени, тогда как ее конфликторегулирующие возможности часто оказываются вне поля зрения научных работ. На основе имеющегося опыта и успешных примеров применения публичной/народной дипломатии в урегулировании конфликтов в регионе высказывается мнение о востребованности рассматриваемого явления в налаживании конструктивного диалога по ряду острых внутрорегиональных противоречий и формировании доверительных отношений между государствами Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: публичная дипломатия в урегулировании конфликтов, Центральная Азия, народная дипломатия.

Public Diplomacy in Conflict Resolution: Solutions for Central Asia

В. Kh. Bahriev

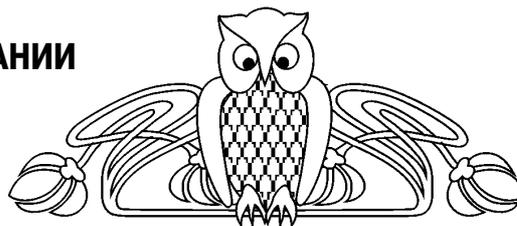
Bahri Kh. Bahriev, ORCID 0000-0003-0542-7946, MGIMO-University 76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russia, mr.bahriev29@gmail.com

The article deals with public diplomacy's conflict-resolution potential in Central Asia. The author notes that in the existing research discourse public diplomacy is analyzed generally in the context of peace-time practice. The conflict-resolution potential of the given phenomenon often appears out of the sight of scientific works. On the basis of the available experience and successful examples of application of public/people's diplomacy in settlement of conflicts in the region, it is supposed that public diplomacy could be a relevant tool in establishing constructive dialogue on a number of acute intraregional contradictions and in forming of trust-based relations between Central Asian nations.

Key words: public diplomacy in conflict resolution, Central Asia, people's diplomacy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194

Осмысление публичной дипломатии сегодня является одним из перспективных направлений политической научной аналитики. Находясь в фокусе активного научно-практического внимания, не только приумножается смысловое наполнение этого многогранного феномена, но и, как отмечает профессор МГИМО К. Боришполец,

расширяется «номенклатура мирополитических ситуаций/процессов, в развитии которых публичная дипломатия играет важную роль»¹. Однако следует признать, что в существующей научной литературе публичная дипломатия обсуждается преимущественно в контексте практики мирного времени – как инструмент влияния на зарубежные общества, механизм формирования позитивного имиджа субъекта публичной дипломатии². Исследований данного феномена в условиях конфликтов не так много, хотя, как представляется, публичная дипломатия предлагает разнообразные дополнительные возможности в налаживании конструктивного диалога между сторонами конфликтного взаимодействия.

Специалисты утверждают, что благодаря своему «мягкому» характеру, опоре на специализированные неправительственные организации (НПО) и институты гражданского общества публичная дипломатия представляется эффективным механизмом разрешения конфликтных ситуаций там, где официальные структуры ограничены, не обладают глубоким представлением о причинах возникновения конфликтов и путях его решения или просто не пользуются доверием населения. Инструменты публичной дипломатии, например те же структуры НПО, оказываются востребованными в реализации различных негосударственных инициатив в области безопасности³, а также в постконфликтном миростроительстве и формировании доверительной атмосферы между конфликтующими сторонами⁴.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что при рассмотрении публичной дипломатии как инструмента урегулирования конфликтов на региональном уровне, т. е. с участием нескольких государств, кажется неизбежным отход от канонического понимания данного феномена. Классическое определение, которое было предложено Эдмундом Галлионом еще в 1960-е гг., представляет публичную дипломатию средством, с помощью которого правительства и частные группы влияют на мнения и отношения других правительств и народов с целью воздействия на принимаемые ими решения в сфере внешней политики⁵. Если такое понимание в «мягком» измерении публичной дипломатии до сих пор актуально, то при осмыслении рассматриваемого феномена в контексте урегулирования конфликтов, в которые вовлечены несколько акторов-государств со своими интересами, оно

сталкивается с определенными сложностями. С одной стороны, такое понимание ограничивает осмысление института публичной дипломатии рамками этатизма или, можно сказать, национального эгоцентризма, но с другой – не может быть вполне релевантным в нынешних реалиях многоакторности в мировой политике. Другими словами, речь идет об определенном переосмыслении стратегии классической публичной дипломатии. При таком переосмыслении в рамках нашей темы следует, что, во-первых, государства должны меньше акцентировать внимание на принципе «полюбите нас», а больше концентрироваться на проектах, которые конструируют индивидуальное мышление людей и затрагивают их жизни⁶. Во-вторых, не совсем подходит для урегулирования конфликтов преимущественно распространенная *конкурентная модель* публичной дипломатии, которая направлена на достижение сугубо национальных целей (порой в ущерб интересам других стран)⁷. Оптимальной моделью представляется *кооперативная* публичная дипломатия, направленная, по мнению М. Леонарда, на развитие отношений во взаимовыгодных направлениях⁸. Именно последняя делает публичную дипломатию инструментом достижения общих целей, если под ними понимается урегулирование широкого ряда конфликтных ситуаций в конкретном регионе.

Корпус классических концептов публичной дипломатии формировался и сегодня опирается преимущественно на опыт развитых промышленных стран. Исследование ресурсов и практики публичной дипломатии развивающихся регионов, в частности, в контексте урегулирования латентных конфликтов мало встречается в политологическом научном дискурсе. В этой связи рассмотрение конфликтотрегулирующего потенциала публичной дипломатии в регионах, где сохраняются узлы острых противоречий, представляет интерес не только для исследователей, но и для практиков.

Центральная Азия является одним из таких регионов, где ресурсы публичной дипломатии могли бы быть полезны для установления стабильных внутрирегиональных отношений. Анализ потенциала публичной дипломатии на центральноазиатском направлении имеет не только прикладное значение: он обогащает и теоретический дискурс, открывая новые возможности для концептуального осмысления актуальных вопросов международного сотрудничества.

Региональный контекст международного взаимодействия в Центральной Азии

Регион Центральной Азии (далее – ЦА), несмотря на преодоление статуса периферийного региона мировой политики, остается сложным и

неоднородным в плане политики, экономики, безопасности и т. д. После приобретения независимости молодым государствам региона предрекали судьбу *failed states*. Эти прогнозы не оправдались, но, как отмечает узбекский исследователь Ф. Толипов, из-за большого числа противоречий между странами ЦА ее можно называть *failed region*⁹. Одни специалисты, указывая на ряд открытых и латентных конфликтов в регионе, утверждали¹⁰ (продолжают это делать), что страны региона все больше расходятся в региональных делах¹¹. Этим ставятся под сомнение потенциал и возможность сближения или региональной интеграции. Другие же верят в формирование центральноазиатского сообщества безопасности, в интеграцию и воссоздание Центрально-Азиатского союза¹². В действительности отношения между странами региона не носят стабильного характера. Конфликтотенный потенциал ЦА повышают не только внутрирегиональные противоречия между государствами по вопросам определения государственных границ, распределения и использования водных ресурсов, но и торговля наркотиками, угроза исламского радикализма и террористических организаций. Помимо прочего, ЦА эксперты называют регионом с большим числом *дуализмов* историко-культурного, географического, (гео) политического характера (дуализмы верховья-низовья рек, персo-тюркских народов, дуализм Ташкент-Астана, демократия-автократия и др.), которые после приобретения странами региона независимости во многом легли в идейную основу их государство-строительства¹³. При ретроспективном анализе исторического значения названных дуализмов их роль в определении отношения между народами региона представляется преувеличенной. Однако в постсоветский период, в условиях отсутствия регулярного конструктивного диалога между странами и обществами региона, эти порой раздутые противопоставления становятся негативными для региональной стабильности факторами.

Одним из превентивных механизмов и инструментов борьбы с упомянутыми выше вызовами, а также в формировании сетей регулярных контактов между государствами и обществами региона является публичная или, как ее обычно называют в регионе, *народная дипломатия*. Хотя исследователи называют ее крайне важной «в ситуации, когда имеется дефицит доверия для преодоления конфронтации»¹⁴, на данный момент возможности данного института в названной сфере в ЦА не стали объектом серьезного научного анализа.

Возможности публичной дипломатии в урегулировании конфликтов в Центральной Азии

Говоря о конфликтотрегулирующем потенциале публичной дипломатии в ЦА, следует отметить, что в самом регионе еще не оформился

исследовательский дискурс по названному феномену. Объяснить это можно отсутствием солидного опыта стран региона в профильной сфере. Основная доля научных разработок (впрочем, как и практические усилия) по этой тематике приходится на Казахстан, есть и попытки комплексного анализа практики государств региона в данной сфере¹⁵. Примечательно, что в последнее время о публичной дипломатии как о положительном диалоговом инструменте, как об «улице с двусторонним движением» заговорили узбекские ученые¹⁶. В целом, встречающиеся исследования рассматриваемого феномена в контексте ЦА концентрируют внимание на классической стратегии публичной дипломатии – информировании зарубежной общественности, формировании положительного международного восприятия, брендинге государства и т. д. Потенциал публичной дипломатии в улаживании конфликтных ситуаций оказывается вне поля исследовательского анализа.

Однако опыт прикладного применения ресурсов публичной/народной дипломатии в урегулировании конфликта в регионе все же имеется. В урегулировании кровопролитной гражданской войны в Таджикистане помимо официальных государственных посредников участие принимали и влиятельные таджикские, иранские, российские и другие общественные, религиозные деятели. В названном конфликте публичная дипломатия сыграла весьма важную роль в достижении национального согласия и единства с учетом местных традиций и менталитета таджикского общества¹⁷. Следует отметить и государственно-частное взаимодействие в процессе постконфликтного восстановления в Таджикистане. Немаловажную роль в этом деле сыграли НПО, среди которых выделяется Сеть развития Ага Хана (Aga Khan Development Network – AKDN), работающая в стране с 1993 г. и имеющая проекты в 32 районах страны¹⁸. По данным АКDN, она ежегодно вкладывает в экономику Таджикистана около 60–70 млн долл.¹⁹

На современном этапе при создании регулярно функционирующих региональных диалоговых форматов можно использовать площадки крупных международных организаций. В качестве такой площадки для налаживания взаимодействия по линии публичной дипломатии в ее конфликтурегилирующем измерении подходит Региональный центр Организации Объединенных Наций по превентивной дипломатии в Центральной Азии (РЦПДООН). В задачи Центра входит организация регулярных тренингов и семинаров с участием политиков и экспертов в области дипломатии предотвращения конфликтов, в налаживании контактов между «мозговыми центрами» региона для усовершенствования аналитических навыков и разработки механизмов сотрудничества и в создании для молодежи из стран региона возможностей изучения основ

превентивной дипломатии²⁰. Примечательно, что в последнее время приглашенные Центром эксперты из стран региона для обсуждения общих проблем региональной безопасности заговорили о необходимости применения «мягкой силы» в этом направлении²¹.

В ЦА одной из сложнейших конфликтогенных проблем является незавершенность и несовершенство нынешнего территориального устройства. Существующие линии прохождения границ являются источником многочисленных межгосударственных противоречий, оказывая негативное влияние на политическую стабильность в регионе и на перспективу не только его интеграции, но и евразийской интеграции в целом. Остро данный вопрос стоит между «тройкой» – Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. Часто в приграничных районах происходят стычки местных жителей и вооруженных сил, доходило дело и до грани полномасштабного конфликта, когда в 2016 г. Кыргызстан, обвинив Узбекистан во вторжении на его территорию, обратился в ОДКБ за помощью в решении сложившейся ситуации²².

В предотвращении такого рода конфликтов эффективность инструментов публичной дипломатии продемонстрировал опыт местных властей в таджикско-киргизских приграничных районах, где признаки напряженности тоже часто наблюдаются. В решении противоречий и поиске ответов на острые вопросы взаимоотношений в этих районах местные власти начали активно прибегать к авторитету и опыту *аксакалов* – уважаемых в местных общинах людей, организовывали культурные мероприятия. Обе стороны затем признали эффективность таких инициатив публично-дипломатического характера в поддержании стабильности в напряженных приграничных зонах²³. Эксперты уверены, что именно народную дипломатию следует «рассматривать как один из основных инструментов улаживания конфликтов, до окончания процесса делимитации и демаркации границ»²⁴.

Ресурсы публичной дипломатии целесообразно привлекать и к решению проблем водного сотрудничества, хотя стоит признать их ограниченность возможности из-за высокой степени политизации водного вопроса и его важности в системе приоритетов политики стран региона. Однако проведение регулярных встреч профильных экспертов со всего региона, представителей гражданского общества и НПО могло способствовать лучшему взаимопониманию, конструктивному диалогу и нивелированию опасений по поводу возможного применения водных ресурсов в качестве *гидрополитического оружия*. В решении водно-энергетических вопросов можно использовать площадку существующих региональных институтов. Определенными возможностями обладают в этой сфере СНГ и ШОС²⁵. Некоторые исследователи

отмечают, что отдельными странами региона ресурсы «мягкой силы» уже используются, и не только для создания своего образа как ответственного защитника окружающей среды, но и для решения существующих противоречий с соседями по водному вопросу²⁶.

На фоне усиления угроз религиозного экстремизма и терроризма в ЦА публичная дипломатия может стать одним из важных компонентов антитеррористической стратегии государств региона. Ее инструменты должны применяться не только в самом регионе, но и за его пределами, особенно в России, где работает и проживает большое количество выходцев из региона. Для многих молодых мигрантов Россия становится транзитным пунктом на пути к радикальным группировкам на Ближнем Востоке. Публичная дипломатия государств ЦА в лице своих диаспор, деятелей религии и культуры должна активно работать с молодыми мигрантами – выходцами из своих государств, способствовать их адаптации в новой социокультурной среде в качестве превентивной меры против формирования маргинальных кругов, представляющих собой благодатную почву для распространения экстремистских нарративов.

В контексте угроз безопасности Центрально-Азиатского региона и методов борьбы с ними необходимо учитывать обстановку в соседнем Афганистане. Многие вызовы и угрозы исходят именно от деструктивных сил в этой стране, и для нейтрализации их влияния ресурсы публичной дипломатии могут оказаться крайне востребованными. По словам Ю. Лалетина, мнения старейшин, позиции лидеров племен в истории Афганистана всегда играли наиболее значимую роль для решения любых задач и проблем, и «народную дипломатию» в контексте этой страны можно назвать дипломатией старейшин и религиозных лидеров²⁷. Их авторитет в обществе, разнообразие опыта были бы крайне полезны для решения многих практических задач, если бы их допускали к участию на регулярной основе в работе правительства и МИД²⁸. Действительно, в Афганистане в местах регулярного сбора людей (мечети, такияханы и другие святые места) можно использовать влияние религиозных деятелей, их традиционные обращения к прихожанам, выступления представителей власти для донесения до людей всей пагубности радикальной религиозной идеологии. Однако такой возможностью часто пользуются представители экстремистских группировок.

Практика использования религиозных институтов и деятелей в борьбе против радикальной идеологии существует и в постсоветской ЦА, однако она нуждается в организованном характере, привлечении религиозных авторитетов из других стран и организации встреч местных духовных лидеров с представителями их общин, которые в большом количестве проживают

в других странах. Необходимость поддержания духовных связей как превентивная мера против распространения религиозного экстремизма среди мигрантов из Центральной Азии в других странах, в частности в России, показывают международные исследования²⁹. Здесь возникает необходимость налаживания сотрудничества по линии как государственных ведомств, так и общественных организаций, институтов гражданского общества.

На основе анализа потенциала публичной дипломатии в урегулировании конфликтов в Центральной Азии можно сделать следующие общие выводы.

1. Несмотря на недостаточное научное внимание к публичной дипломатии как фактору, смягчающему остроту конфликтного взаимодействия, напряженности в отношениях между странами, в прикладной плоскости этот институт обладает возможностями не только для укрепления «мягкой силы» государств, но и для улаживания конфликтов, установления конструктивного диалога и формирования доверительных взаимоотношений.

2. Применительно к урегулированию конфликтов публичную дипломатию следует рассматривать во многом вне рамок канонического понимания, так как она становится инструментом достижения некой общей цели несколькими государствами. В таком случае субъекты публичной дипломатии должны фокусировать свои действия в большей степени на кооперации, нежели на соперничестве, как это обычно бывает при осуществлении классического варианта публичной дипломатии.

3. Наличие немалого числа острых конфликтогенных вопросов между странами Центральной Азии во многом является результатом отсутствия у них систематических контактов на уровне гражданского общества, специалистов и экспертов. По мере развития демократических институтов и формирования регулярных форматов общения, в том числе на площадке международных институтов, возможно возникновение неких региональных *эпистемических сообществ* – интернациональных групп профессионалов, работающих над достижением определенной цели вне зависимости от своего гражданства или национальной принадлежности.

4. При решении практически всех конфликтогенных вопросов в Центрально-Азиатском регионе целесообразно использовать публичную дипломатию, но ее эффективность будет определяться в зависимости от приоритетов различных государств и готовности идти на компромисс. Если в такой политизированной сфере, как водная проблема, возможности публичной дипломатии ограничены, то при выработке комплексной стратегии решения приграничных споров, в преодолении пресловутых

«дуализмов», в борьбе с экспансией радикальных идеологий публичная дипломатия в Центрально-Азиатском регионе обладает большим потенциалом, который пока остается невостребованным.

5. Примеры успешного применения ресурсов публичной/народной дипломатии для решения конфликтных ситуаций в Центральной Азии свидетельствуют о расширении области их прикладного использования. Одновременно, поднятая в рамках настоящей работы проблематика способствует углублению профильного теоретического дискурса, открывая новые горизонты в осмыслении дополнительных направлений развития публичной дипломатии в условиях современной мировой политики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке МГИМО МИД России (проект КМУ VI МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук).

Примечание

- 1 Боршшполец К. Публичная дипломатия СНГ : вклад в преодоление конфликтов на постсоветском пространстве : тезисы доклада на XI Конвенте РАМИ (28–29 сентября 2017 г.). Секция : «Публичная дипломатия в условиях конфликтов и кризисов». URL: <http://www.risa.ru/ru/sections/390-4-2> (дата обращения: 26.03.2018).
- 2 См.: *Setetko H. A.* Media and public diplomacy in times of war and crisis // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52, № 5. P. 639–642.
- 3 См.: *Лебедева М. М.* Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // *Международные процессы*. 2015. Т. 13, № 4 (43). С. 45–56.
- 4 См.: *Cowan G., Arsenault A.* Moving from monologue to dialogue to collaboration : The three layers of public diplomacy // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616, № 1. P. 10–30.
- 5 См.: *Cull N. J.* «Public Diplomacy» before Gullion : The Evolution of a Phrase. April 2006. URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (дата обращения: 26.03.2018).
- 6 См.: *Seib P.* Public Diplomacy and Counterterrorism // *HuffPost*. URL: http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/public-diplomacy-and-cout_b_719242.html (дата обращения: 26.03.2018).
- 7 См.: *Долинский А.* Дискурс о публичной дипломатии // *Международные процессы*. 2011. Т. 9, № 25. С. 63–73.
- 8 См.: *Leonard M., Stead C., Smewing C.* Public Diplomacy. L. : The Foreign Policy Centre, 2002. P. 10–11.
- 9 См.: *Толипов Ф.* Центральная Азия : теория дезинтеграции // Региональная аналитическая сеть Центральной Азии. 26.01.2017. URL: <http://caa-network.org/archives/8291> (дата обращения: 26.03.2018).
- 10 См.: *Rosset D., Svarin D.* The Constraints of the Past and the Failure of Central Asian Regionalism, 1991–2004 // *Region*. 2014. Vol. 3, № 2. P. 245–266.
- 11 См.: От Туркестана к Центральной Азии : политическое будущее региона / отв. ред. А. А. Кривопалов. М. : Научный эксперт, 2016. С. 80–81.
- 12 См.: *Толипов Ф.* Как воссоздать Центральноазиатский Союз? // Региональная аналитическая сеть Центральной Азии. Октябрь, 2017. URL: <http://caa-network.org/archives/10438> (дата обращения: 26.03.2018).
- 13 См.: Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии. Алматы : Фонд им. Ф. Эберта, 2015.
- 14 *Великая А.* Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // *Международная жизнь*. 2016. № 2. С. 155.
- 15 См.: *Бахриев Б. Х.* Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // *Вестн. ТГУПБП. Серия общественных наук*. 2017. № 1 (70). С. 131–147.
- 16 См.: *Файзуллаев А.* Публичная дипломатия на службе национальных интересов // *Газета.uz*. 5 августа 2017. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/08/05/public-diplomacy/> (дата обращения: 26.03.2018).
- 17 См.: *Бахриев Б. Х.* Публичная дипломатия государств Центральной Азии // *Публичная дипломатия : Теория и практика* / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 177–193.
- 18 См.: *Собирова К. Д.* Роль международных организаций в восстановлении мира и стабильности в Республике Таджикистана // *Вестн. Таджик. пед. ун-та*. 2014. № 1–2 (56). С. 46–52.
- 19 См.: *Душанбеева М.* Глава фонда Ага-Хана в РТ : Ежегодно в страну вкладываем 70 млн долл. // Портал «Россия для всех». Октябрь 2015. URL: <http://tjk.rus4all.ru/interview/20151012/726211718.html> (дата обращения: 26.03.2018).
- 20 См.: *Николаев С. А.* Превентивная дипломатия для Центральной Азии // *Международная жизнь*. 2009. № 2–3. С. 96–107.
- 21 См.: *The Impact of External Factors on Security and Development in Central Asia / UNRCCA*. Bishkek, 2016.
- 22 См.: Кыргызстан обратился к ОДКБ за помощью в разрешении приграничного спора с Узбекистаном // *ИА Фергана*. 22.03.2016. URL: <http://www.fergananews.com/news/24567> (дата обращения: 26.03.2018).
- 23 См.: Таджикиско-киргизские переговоры : от стабильности на границах до экономического сотрудничества / пер. с таджик. Радиои Озоди. 24 ноября 2016. URL: <https://www.ozodi.org/a/tajik-and-kyrgys-border-tensions-decreased-in-recent-years/28136570.html> (дата обращения: 26.03.2018).
- 24 Таджикиский политолог : народная дипломатия решит приграничные конфликты // *Спутник*. 04.08.2015. URL: <https://ru.sputnik.kg/opinion/20150804/1017164924.html> (дата обращения: 26.03.2018).
- 25 См.: *Боршшполец К. П.* Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и сравнительные возможности ЕврАзЭС и ШОС в деле их решения // *Вестн. МГИМО-Университета*. 2011. № 2. С. 31–37.
- 26 См.: *Menga F., Mirumachi N.* Fostering Tajik hydraulic

development : Examining the role of soft power in the case of the Rogun Dam // *Water Alternatives*. 2016. Vol. 9, № 2. P. 373–388.

²⁷ См.: Лалетин Ю. П. Политическая система Афганистана : воздействие племенной организации // *Восток*. 2008. № 2. С. 137–149.

²⁸ См.: Шах М. Потенциал «народной дипломатии» и

значение ее применения в Афганистане // Афганистан. Ру. 03.05.2009. URL: <http://afghanistan.ru/doc/14632.html> (дата обращения: 26.03.2018).

²⁹ См.: Central Asian involvement in the conflict in Syria and Iraq : drivers and responses // USAID. May 4, 2015. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PBAAE879.pdf (дата обращения: 26.03.2018).

Образец для цитирования:

Бахриев Б. Х. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов: возможности для Центральной Азии // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 189–194. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194.

Cite this article as:

Bahriev B. Kh. Public Diplomacy in Conflict Resolution: Solutions for Central Asia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 189–194 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194.
